

— Цзин'эр? Цзин'эр? — позвала Бай Цимэй, её голос дрожал от нетерпения. Она легонько потрясла Сюнь Фэна за руку. — Что ты застыл? Иди скорее.

Иньжуй уже стояла на коленях, припав лбом к холодному полу. Она била поклоны, и её голос срывался на рыдания:

— Молодой господин Цзин, умоляю вас, проявите милосердие, спасите главу семьи.

Скрепя сердце, Сюнь Фэн медленно, словно нехотя, подошёл к кровати. Увидев Юнь Чэмина, он почувствовал, как внутри всё оборвалось. Лицо больного было белым как бумага, дыхание — едва уловимым, а в чертах застыла печать смерти — верный знак того, что надежды почти нет.

— Тетушка, что мне делать? — спросил юноша, присаживаясь на край постели. Даже для него, человека черствого и бесчувственного, было мучительно видеть, как тот, кто ещё вчера был полон жизни, теперь угасает на глазах. «Недолгий век красоты», — пронеслось в голове.

Бай Цимэй осторожно взяла руку Сюнь Фэна и положила её на ладонь Юнь Чэмина.

— Просто будь рядом с ним, прикасайся к нему. Чэмину нужен покой. Я оставляю его на тебя.

С этими словами она тихо вышла, уводя за собой слуг. Молодой человек молча смотрел на их соединённые руки.

«Что за нелепость. Всё это — сплошной абсурд. Я же не какой-то живой эликсир, чтобы он очнулся от одних лишь прикосновений»

Госпожа Бай, должно быть, позволила себя обмануть. Какие ещё «судьбой предначертанные»? Он не верил во всю эту чушь. Но если Юнь Чэмин умрёт сейчас, удастся ли ему заполучить состояние семьи Юнь? Будет ли тетушка и дальше ему доверять?

«Без пользы от меня, кто станет ко мне хорошо относиться?»

Сюнь Фэн глубоко вздохнул и, сжав холодную руку кузена, мягко проговорил:

— Младшая кузина, поправляйся скорее. Мы ведь ещё не любовались лотосами, не собирали семена. Неужели ты не хочешь прокатиться на лодке по озеру?

Никакой реакции. Даже ресницы не дрогнули.

Хотя юноша и ожидал этого, он не смог скрыть разочарования. Свободной рукой он поправил выбившиеся пряди волос больного и вдруг заметил на подушке половинку нефритовой подвески.

— Кажется, она никогда с ней не расстанется, — пробормотал Сюнь Фэн. — По всем законам, младшей кузине ещё не время умирать. Ей ведь нет и двадцати.

Верно. Пусть Юнь Чэмин умрёт после свадьбы, тогда всё будет выглядеть естественно, и никто не сможет придаться. Сюнь Фэн отложил подвеску, встал и, выйдя за дверь, спросил у дежурившей в коридоре служанки:

— Глава семьи принимал лекарство?

— Принимал, но почти всё вырвал. Не получается влить.

— Приготовьте ещё одну чашу, — распорядился он. — Я сам его накормлю.

— Слушаюсь, — ответила служанка и поспешно удалилась.

Молодой человек вернулся в комнату и приоткрыл окно. Свежий ветер, напоенный ароматами трав, ворвался внутрь, развеяв часть тяжелого, спёртого воздуха. Он снова сел у кровати и, опустив взгляд на бледное лицо Юнь Чэмина, принялся размышлять над словами Бай Цимэй. Что именно значило «больше прикасаться»?

Тетушка говорила, что в детстве уже случалось подобное. Но как могут «прикасаться» дети?

Это поставило Сюнь Фэна в тупик. У него никогда не было друзей детства, он не знал, что такое обычная привязанность. Повзрослев, он частенько заглядывал в Квартал развлечений, но всегда держался на расстоянии. Не из-за высоких моральных принципов, а просто чтобы избежать хлопот. Мысль о том, что кто-то будет о нём думать, скучать, цепляться за него или любить, вызывала у него дрожь. Слишком уж всё это было приторно.

— Младшая кузина, ничего не поделаешь. Придётся действовать так, как я это понимаю, — вздохнул Сюнь Фэн, снял верхнюю одежду, сапоги и забрался на кровать.

Ложе было широким, и места на нём хватало с избытком. Он просунул руку под шею Юнь Чэмина и легким движением притянул его к себе.

«Черт побери, ледышка»

Это было единственное ощущение. Тело в его руках было холодным и твердым, как кусок льда. Сюнь Фэн поджал губы и обнял его крепче, легонько похлопывая по спине.

— Младшая кузина, я снова веду себя вольно. Почему ты не встаёшь, чтобы отчитать меня? Или от холода и говорить не можешь?

Он натянул на них одеяло, укутав обоих, как в кокон. Вскоре Сюнь Фэну стало жарко, лоб покрылся испариной, а одежда на спине промокла. Но лицо Юнь Чэмина оставалось синевато-бледным, и тело его ничуть не потеплело. В этот момент вошла служанка.

— Молодой господин Цзин, лекарство гото...!

Увидев происходящее, девушка вскрикнула, едва не выронив поднос.

— Я ничего не видела, ничего! — пробормотала она, покраснев, поставила поднос на стол и, закрыв лицо руками, выбежала, даже не притворив за собой дверь.

Сюнь Фэн с улыбкой покачал головой, взял чашу и, понюхав отвар, нахмурился. Горькое, с привкусом чего-то неприятного. Он взглянул на поднос — кроме чашки с чаем, ничего не было.

«Неужели он пьёт лекарство без сладостей? — с невольным уважением подумал юноша. — Младшая кузина и впрямь не из простых»

— Пора пить лекарство, — Сюнь Фэн приподнял Юнь Чэмина, усадив его к себе на грудь, зачерпнул ложку отвара, подул и поднёс к его губам. — Я ещё ни за кем не ухаживал, — проговорил он сам с собой. — Это в первый раз. Не забудь об этом и потом отплати мне стопкой серебряных билетов.

Но челюсти больного были плотно сжаты, и лекарство лишь стекало по подбородку, впитываясь в одежду. Сюнь Фэн не сдавался. Он осторожно попытался разжать ему зубы черенком ложки и сумел влить половину. Но не успел он обрадоваться, как Юнь Чэмин закашлялся, и лекарство хлынуло обратно, заливая постель.

Молодой человек опешил. Неужели он задел ему горло? С чувством вины он вытер губы Юнь Чэмина краем одеяла и смущенно пробормотал:

— ...В первый раз, прости.

Вторая попытка была более продуманной. Он сначала разжал зубы, затем придержал подбородок, чтобы рот оставался приоткрытым. Сюнь Фэн быстро влил ложку лекарства. Но едва отвар коснулся языка, Юнь Чэмин, словно почувствовав горечь, начал сопротивляться, и жидкость снова пролилась.

После нескольких попыток чаша почти не опустела, а одежда Сюнь Фэна была насквозь мокрой. Он посмотрел на бледное лицо кузена и вздохнул. Если не напоить его, как же он поправится?

Юноша с досадой уставился на губы Юнь Чэмина, и вдруг его осенила гениальная мысль. Вот только лекарство было слишком горьким, а сладостей под рукой не оказалось. Поразмыслив, он решил: раз уж быть добрым, так до конца.

Словно идя на казнь, Сюнь Фэн набрал в рот отвара. Горечь и неприятный запах мгновенно заполнили рот, отчего на глазах выступили слёзы. Сморщившись, он взял Юнь Чэмина за подбородок и прижался к его губам.

Они были ледяными. Сюнь Фэн знал, что нужно передать лекарство, но рот больного был закрыт, как крепостные ворота, а горечь становилась невыносимой.

Язык!

В отчаянии он нашёл решение. Юноша осторожно коснулся языком сомкнутых губ, словно подкупая стражу. Зубы, верные солдаты, не пускали врага. Сюнь Фэн испробовал все уловки: он улещивал, соблазнял, обещал сдаться на милость победителя. И стража, не устояв перед такой настойчивостью, приоткрыла ворота.

Едва проникнув внутрь, Сюнь Фэн тут же изменил тактику. Он стал дерзким и властным, его язык сплёлся с холодным, не желавшим сдаваться языком Юнь Чэмина, и он силой влил горький отвар. Больной инстинктивно сглотнул.

Сюнь Фэна трясло от горечи, в голове была лишь одна мысль: «скорее напоить его этим чертовым лекарством». Он совершенно не заметил, как пальцы Юнь Чэмина дрогнули. Когда всё было выпито, Сюнь Фэн хотел отстраниться, но тот, запрокинув голову, бессознательно потянулся за ним, словно жаждущий путник в пустыне.

— Черт побери, — пробормотал юноша, вытирая губы рукавом. — Никогда не видел, чтобы кому-то так нравилось пить лекарство. Младшая кузина — и впрямь чудак.

Горечь во рту не проходила. Сюнь Фэн залпом выпил чай и уставился на оставшуюся половину чаши.

— Придётся повторить.

Ему очень не хотелось, но Юнь Чэмин отреагировал. Может, и впрямь ещё не всё потеряно. Сюнь Фэн был мошенником, он обманывал ради денег, иногда — ради забавы, но никогда никого не убивал.

Ладно, ещё раз. Он ущипнул кузена за щеку и понял, что щипать-то почти нечего. Слишком худой.

— Младшая кузина, когда очнёшься, не забудь о моей доброте. И долг верни.

Сюнь Фэн поднял чашу, сделал большой глоток и снова наклонился к губам больного. Но на этот раз, не успел он начать штурм, как ворота крепости распахнулись сами.

Юнь Чэмин, казалось, ждал его. Едва их языки соприкоснулись, он жадно обвился вокруг языка Сюнь Фэна. Тот от удивления широко раскрыл глаза, чувствуя, что его бессовестно используют.

«Младшая кузина ещё смела называть меня вольным! Да она сама в сто, в тысячу, в десять тысяч раз вольнее!»

Юноша опустил взгляд. Глаза Юнь Чэмина были по-прежнему закрыты, но синева с его лица сошла, сменившись фарфоровой белизной с легким румянцем. Печати смерти больше не было.

Пока он размышлял, кончик его языка пронзила острая боль. Не успел он охнуть, как Юнь Чэмин принялся нежно успокаивать его, слизывая, всасывая, превращая боль в сладкое онемение.

Сюнь Фэн был в шоке. Разве так подобает вести себя незамужней барышне?

«Младшая кузина, она... она слишком легкомысленная и бесстыдная! Она меня использует!»

В гневе он хотел оттолкнуть её, но Юнь Чэмин, выпив всё до последней капли, без сожаления отстранился и, ровно дыша, погрузился в безмятежный сон.

— !?

— Черт побери, не думал, что младшая кузина тоже окажется такой бессердечной!

Ругаясь, он всё же почувствовал облегчение. Снова укутавшись в одеяло, Сюнь Фэн обнял Юнь Чэмина и крепко заснул.

Неизвестно, сколько времени прошло. Юнь Чэмин медленно открыл глаза. Взгляд был расплывчатым, перед глазами — что-то белое. Выше — кажется, подбородок? Ещё выше — алые, потрескавшиеся губы.

«Должно быть, я брежу. Я всегда спал один, откуда в моей постели кто-то ещё?»

Но ему больше не было холодно. Давно он не чувствовал такого тепла. Это Инъжуй положила грелку? Юнь Чэмин потерся щекой и, обняв источник тепла, снова провалился в сон.

Горячий золотой луч пронзил веки. Юнь Чэмин инстинктивно прикрыл глаза рукой. Ресницы дрогнули, и утренний свет хлынул сквозь пальцы. С трудом разлепив веки, он увидел, как солнечные блики пляшут в зрачках. Стук сердца в груди становился всё отчетливее. Он приподнялся на локте, голова была тяжелой. Кажется, он потерял сознание, слышал чей-то плач, и ещё...

Рядом послышался шорох, словно ткань потерлась о простыни. Юнь Чэмин замер и медленно повернул голову. Под одеялом кто-то шевелился. Человек сел, протирая глаза. Волосы были в беспорядке, несколько прядей спадали на лоб. Сюнь Фэн поправил распахнувшийся воротник, обнажив четко очерченную ключицу.

— Бай Цзин? — недоверчиво произнёс Юнь Чэмин. — Почему ты в моей постели?

На губах Сюнь Фэна играла ленивая улыбка только что проснувшегося человека:

— Разве не очевидно, младшая кузина?

Взгляд Юнь Чэмина скользнул с полуобнаженного Сюнь Фэна на смятую постель, затем на разбросанную по полу одежду. Внезапно кровь бросилась ему в голову, зрачки сузились, ресницы затрепетали. Лицо его вспыхнуло, а затем мгновенно побледнело. Пальцы так сильно сжали одеяло, что костяшки побелели. Голос его прозвучал подобно треску льда:

— Бесстыдник! Ты посмел воспользоваться моей болезнью и совершить нечто непотребное!

Улыбка застыла на лице Сюнь Фэна. Он моргнул, словно не расслышав, и склонил голову набок.

— А?

<http://bllate.org/book/16000/1501023>